

НЕБЕСНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

18+

НЕВОЗМОЖНОЕ —
наша специализация!

Эльвира Суздальцева

Эльвира Суздальцева
Небесная канцелярия
Серия «Young Adult. Ангелы и демоны»

<https://litres.ru/71133130>

Небесная канцелярия: 1;

ISBN 978-5-17-162435-4

Аннотация

<p>В огромном учреждении работники трудятся день и ночь, не складывая крыльев, на благо людей.</p> <p>Ангел смерти Аврелий идёт против системы в самом консервативном подразделении Небесной канцелярии. Творец Тина в череде перерождений меняет мир к лучшему. Когда они получают задание отыскать погибшую Мечту, это становится настоящей проверкой на профессионализм. Исполнить запросы мёртвых и призраков, вернуться в прошлое, бросить вызов смерти и найти ответ на вопрос: каким должно быть желание, способное изменить целый мир?</p> <p>Возьмите талончик очереди у ангела-секретаря – и добро пожаловать в Небесную канцелярию!</p>

Содержание

Часть I	5
Договор	5
Перерождение	12
Прямолинейное чудо	18
Репутация	23
Мечта	28
Творец	35
Кафе остановившихся часов	49
Первое желание. Старый волшебник	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эльвира Суздальцева

Небесная канцелярия

© Эльвира Суздальцева, 2024

© aconitte, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Часть I

Перерождение

Договор

Аврелий и случайная клиентка

– Заколебали вы меня, вот что...

Я вскрикнула от неожиданности и едва удержала равновесие на табуретке, что в моей ситуации было верхом абсурда. Но должна же я понять, откуда раздался голос в запертой на замок квартире!

У распахнутого окна стоял ангел смерти и с видом законченного меланхолика протирал меч замшевой тряпочкой. Медленно, от рукояти к острию. Шур-р. Шур-р... Чёрный плащ, чёрные крылья – фактически классика жанра.

Я прочистила горло и автоматически поправила петлю на шее.

– Хорошо закрепила? – кивнул он на крюк в потолке, на котором раньше висела люстра.

– Ага...

– Ну-ну. А чего такой способ примитивный выбрала?

Прикинь только: язык до груди, глаза вылезут, зелёная вся, в рвоте и... других неприятностях. Хочешь, чтоб тебя такой запомнили? Хоть бы вены вскрыла, что ли, всё утончённее, чем вот это.

– Спассти могут! – принялась я защищаться. – И от таблеток откачать можно, а стреляться мне не из чего! Из окна броситься не могу, я высоты боюсь. Извини уж, что есть, зато с гарантией.

– А-а, ну да.

Он умолк и снова прошёлся по мечу. Тряпочкой. Я тоже молчала. Не кофе же ему предлагать, в самом деле!

– И на себя посмотри, – продолжил ангел, окинув меня таким презрительным взглядом, что мне немедленно захотелось дать ему по морде. – Кто ж вешается в розовых тапочках и пижаме, а? Хоть бы платье симпатичное надела, бельё там кружевное, причёска-помада. Маникюр бы сделала. Кстати, когда ты его делала в последний раз?

Я стыдливо спрятала руки с обгрызенными ногтями за спину.

– Три месяца назад... Да какое тебе дело вообще?!

– А надо раз в две недели! – Он положил меч на подоконник и посмотрел на меня в упор. – Выкладывай. Что случилось-то?

Я порывалась послать его подальше, но... кому ещё расскажешь?! Быть может, это мой последний шанс излить душу. Хотелось разразиться слезливой речью, но в голову при-

шло только несколько слов:

– Я люблю одного человека. Безнадёжно.

Ангел понимающе покивал и спросил:

– А он об этом знает?

Я опешила.

– Он?.. Ну... нет... то есть... просто я... в смысле, он... там сложно всё.

– Сложно – это интегралы на уроках математики брать. А для того, чтобы пойти и поговорить с человеком, у тебя всё есть: и голос, и ноги. Заметь, этим тоже, увы, не каждый наделён.

– Как это – поговорить?! Нет-нет-нет!!! Лучше смерть!

– Да я уже понял. В мире людей трусов и лентяев на квадратный метр больше, чем тараканов.

– Что-о?

– Что слышала. Конечно, повеситься – это раз плюнуть!

Прыг – и готово. А поговорить, признаться, в глаза посмотреть – тут смелость нужна, уверенность.

– Ты хочешь сказать, что я трусливая и неуверенная?

– Я-то ничего не хочу, ты сама уже всё сказала.

Мы помолчали. Я теребила верёвку, он разглядывал свои руки в чёрных перчатках. Потом поинтересовался:

– А у тебя мечта есть? Страсть, увлечения? Музыка пишешь, сарафаны шьёшь, игуан разводишь?

– Да... у меня было много мечт... мечтаний.

– Сбываются?

– Ну... через раз. Да какая разница, говорю же, я люблю...

– Что ты заладила: «Люблю, люблю»! Я вот жареные хвосты саламандр люблю, а их знаешь, как достать сложно? Только контрабандой. Короче, слушай.

Ангел простучал сапогами по линолеуму, оставив следы грязи. Вот зараза, я ведь только сегодня утром полы вымыла! Отодвинул от стола стул, сел, переложил в сторону стопку книг и сделал приглашающий жест:

– Может, присядешь?

Мне даже в голову не пришло возмутиться тем, что меня в собственном доме за собственный стол приглашают присесть. А вы как поступили бы, если бы к вам за секунду до самоубийства заявился ангел смерти с мечом в руках и принялся читать нотации?! Вот и я сняла петлю с шеи, закинула её на крюк, слезла с табуретки, придвинула её к столу так, чтобы оказаться точно напротив неожиданного собеседника, и села.

Он щёлкнул пальцами. На столе вспыхнуло пламя, и появились два жёлтых, старых на вид свитка. Поморщившись, ангел смахнул огонь и сдул на пол пепел.

– Как же у нас любят эту мишуру... – буркнул он и продолжил уже деловым тоном: – Есть предложение. Если ты его примешь, выиграем оба. Объясняю. Вы своими самоубийствами рубите нам месячные и годовые планы под корень. Одна душа самоубийцы автоматически снижает показатели на пять обычных душ, но забирать вас всё равно на-

до, деваться некуда. Плюс вы не внесены в план, и работать нам приходится внеурочно. Запарка нереальная. В результате под конец года попадают все. Отчёты горят, зарплату режут, об отпуске и подумать нельзя.

Я невольно прониклась сочувствием. И правда, выглядел он ужасно замордованным, особенно вблизи.

– Может, кофе хочешь? – спросила я, вспомнив, наконец, кто в доме хозяйка.

– Не откажусь, – вздохнул ангел.

Пока я возилась с кофеваркой, искала печенье в шкафу и накрывала на стол, мой гость тщательно сверял записи в обоих свитках.

– Теперь ты, – произнёс он после того, как чашка опустела. – Молодая, красивая и, в принципе, ещё можешь жить и жить. Но дело твоё, открыто вмешиваться не имею права. Реальный отведённый тебе срок кончится... – он слегка прищурил глаза, – нет, не скажу когда, но точно не скоро. Забирать твою душу сейчас я не хочу, на мне и без того три выговора висят. Поэтому предлагаю сделать так.

Ангел щелчком отправил один из свитков на мой конец стола. Я развернула бумагу. Вверху красивым ровным почерком было написано: «Договор». Потом шло несколько пунктов почерком помельче, в самом низу стояла сегодняшняя дата и прочерчены два места для подписи.

– Один год. Триста шестьдесят пять дней, – комментировал ангел, пока я читала условия. – В течение этих дней ты

делаешь всё, чего боялась раньше. Совершаешь всё, что хотела бы совершить перед смертью. Всё, что взбрѣдет в голову, без оглядки. В частности, в обязательном порядке разбираешься со своей любовью. И вписываешь это на обратную сторону. По пункту на день.

Я перевернула лист. Там стояли номера от одного до трёхсот шестидесяти пяти.

– Места мало, но можно коротко, аббревиатурами, в общем, чтоб потом расшифровать смогла. Ровно через год я к тебе приду и, если вся обратная сторона будет заполнена, заберу твою душу без вопросов. Только не халтурить, нечестные записи увижу сразу. Один день – одно действие. Тебе нечего бояться и нечего терять. Какая разница, умрѣшь ты сейчас или через год? Но могу пообещать: этот год получится очень интересным. Если же в списке будут пропуски или – ну мало ли! – ты просто передумаешь, то ещё раз угостишь меня кофе, и мирно разойдѣмся до лучших времѣн.

Я снова посмотрела на лицевую сторону. Пункт «В случае невыполнения условий настоящего договора исполнителем последний обязуется предоставить заказчику 250 мл готового кофе» значился под номером 3.1.

– Смерть или кофе? – улыбнулась я. Предложение хоть и отдавало сумасшедшим домом, но звучало заманчиво. И правда, много ли мне терять?

– Типа того. Итак, что скажешь?

– Подписывать кровью? – поинтересовалась я.

– Откуда эти средневековые зверства? – Ангел закатил глаза. – Держи.

Он протянул мне элегантную чёрную ручку.

В торжественном молчании мы подписали оба экземпляра и обменялись рукопожатием.

– Спасибо за кофе. – Спрятав свой свиток за пазуху, ангел встал, взял меч и накинул перевязь. Эффектным жестом пригладил длинные волосы и расправил крылья. – Я рад, что мы пришли к соглашению. Кстати, милые тапочки. И если позволишь, маленький совет, – он уже стоял на подоконнике, готовый взлететь, – на твоём месте я всё-таки начал бы с белья и маникюра.

Я ахнула от такого хамства, но в проёме окна уже виднелись лишь бегущие по вечернему небу облака.

Ангел смерти сидел на берегу озера и разговаривал по разбитому мобильному телефону:

– Лана, привет. Как там у тебя? Что? Из петли вытащила? А скажи-ка, где ты его нашла, проверить кое-что хочу. Так. Ого... стой, дай угадаю. Безнадёжно влюблён, да? И признаться боится? Вот так совпадение. Договор подписал? Что? Долго упирался, но подписал? Класс. Если они друг другу признаются, мы с тобой ещё и показатель массовой доли счастья поднимем. Я же говорил, у проекта огромный потенциал. Ладно, у меня сегодня ещё трое. Кофе? Конечно, буду, что за вопросы!

Перерождение

Кэт

– Вот что мне с тобой делать? – в который раз с отчаянием спросил папа.

Я неопределённо дёрнула плечами, разглядывая узорчатый потолок.

– Это же какой-то кошмар, – продолжал он. – В первый раз повесилась. Второй – отравилась. Третий – застрелилась. Это ж надо было пистолет где-то найти!

– У меня муж в органах служил, – меланхолично сообщила я и выдула огромный розовый пузырь.

– Ну а теперь что?

Гарик, папин секретарь, откашлялся и, поправив очки на носу, прогнусавил:

– Спрыгнула с крыши девятиэтажного дома. Предварительно оставила записку: «Никого в моей смерти не винить. Жизнь бессмысленна. Я устала. Прощайте». Ещё цветочек внизу подрисован.

– Какой пафос! – Папа воздел руки к потолку. – Какая безвкусица! Дочь, мне стыдно коллегам в глаза смотреть! От кого ты этого набралась?!

Я опять пожала плечами. Симпатичный чертёнок, кото-

рый проходил у нас практику, нахально подмигнул мне из-за папиного плеча. Решив разобраться с хамом позже, я пошла в атаку:

– А может, хватит меня запикивать в одно и то же место и время?! – заголосила я, упирая руки в бока. – Никакого разнообразия: машины, стройки, куры, алкоголики! Никаких стимулов к жизни, никаких надежд! А ещё очкастого этого куратором приставил!

Гарик с осуждением покачал головой и аккуратно вложил в личное дело мою предсмертную записку.

– Не хочу в двадцатый век! Не хочу! Вон Анька с эльфами уже третье перерождение тусуется! А Сашка в прошлый раз крестовый поход возглавил! Тинку в позапрошлый на костре сожгли за великое открытие! А мне что? Деревня Кукушкино, муж-алкоголик и смерть от саркомы?! Это нечестно! Ну папа!

Я топнула каблучком. Полосатый гольф опять сполз на щиколотку. Я наклонилась и вызывающе подтянула его.

– Что за манеры, – вздохнул папа. – Доченька, не могу я тебя в другое время отправить. Это расписано, понимаешь? Теперь не имею права баланс нарушать, мне босс голову оторвёт.

– У твоего босса уже давно маляк в прогрессирующей форме! – дерзко заявила я, на всякий случай оглядевшись по сторонам. Гарик стоял как истукан, старательно делая вид, что ничего не слышал.

– Слов-то каких нахваталась, – покачал папа головой. – Доченька, послушай, проживи нормально хоть одно воплощение. Только одно, от начала до конца – и, обещаю, следующее ты выберешь сама, какое только пожелаешь.

– Да?! – И пусть я давала себе слово не реветь, но нос сам собой предательски захлюпал. – Легко сказать, когда сидишь в своём кабинете и все миры перед глазами. И ты точно знаешь, что они есть, и что жизнь после смерти есть! А там... а там...

– Никому не легче, – назидательно заметил папа. – Ты же сама этого захотела. Теперь терпи, никуда не денешься.

Я не выдержала и разревелась, за неимением носового платка утирая слезы концом косички.

Вдруг распахнулась дверь. В кабинет влетел Мишка в неизменной чёрной бандане.

– Шеф! – зачастил он с порога. – Там у Врат опять беспорядки. Сотня душ внеочередных ломится. Говорят, перевели. Что делать?

Я быстро смахнула слёзы и кокетливо улыбнулась. Мишка зарделся и одёрнул потёртую кожаную косуху.

– Как же мне всё это надоело! – Папа закрыл глаза ладонью, и мне на миг стало его жалко. – Сколько раз говорил боссу: не садитесь с рогатым в карты играть, обставит. Вот куда их девать, своих селить негде... Да что уж поделаешь, запускай. Только по одной и строго с документами. И приведи себя в порядок, Михаил! Хоть голову вымой и черепа

из ушей вынь. Души пугаются, думают, дверьми ошиблись.

Мишка выбежал, одарив меня на прощание влюблённым взглядом. Папа сел за стол и задумался, почёсывая лысеющий лоб.

– Пап? – робко напомнила я о себе.

– Что «пап», ну вот что «пап»?! – взорвался он. – Думаешь, папе легко на этой собачьей работе? Папе на пенсию давно пора и на курорты! Девочка моя, тебе там отведено всего пятьдесят четыре года! Неужели так сложно?

Я угрюмо кивнула.

– Сил моих больше нет...

Папа принялся разбирать разбросанные по столу документы, а я решила предпринять ещё одну попытку.

– А можно, чтобы я помнила, кто я? И чтобы точно знала, что есть жизнь после смерти?

– Не положено! – не поднимая глаз, отрезал он.

– А ты не мог бы хоть иногда мне сниться?

– Не положено.

– Пап... хотя бы... дай мне хоть вот столечко веры, а? Ну что тебе стоит?

– Не положено! – буркнул папа, перелистывая объёмистый журнал. – Сколько народу без веры живет – и ничего... Разбаловалась!

Я покорно молчала и умоляюще хлопала ресницами. Чёртик-практикант передразнивал меня и корчил рожицы.

– Ладно! – Папа несильно хлопнул ладонью по столу. –

Гарольд, выдайте этому наказанию порцию веры!

Гарик засеменил к сейфам.

– И учти, – папа погрозил мне гусиным пером, – если вернёшься раньше срока, выпорю, как соплячку. И Мишку твоего заодно!

– А за что...

– А за то, что будто я не знаю, как вы под Вратами целуетесь! Маленькая ещё.

Гарик вручил мне ещё тёплый оранжевый квадратик, на котором завитушками лимонного джема было выведено «ВЕРА».

– И это всё? – Я недоверчиво наморщила лоб.

– А что ещё?! – окончательно вышел из себя папа. – Всё! Иди отсюда, не мешай работать! И чтоб глаза мои тебя ближайšie пятьдесят четыре года не видели!

– Тридцать пять! – попробовала я поторговаться.

– Вон!!!

– Я люблю тебя, папочка! – пискнула я уже от двери.

У Врат я уселась на облако, свесив ноги. «В-Е-Р-А», – ещё раз задумчиво прочитала, вздохнула и с аппетитом съела вкусную печенюшку. Мишка подбирал на гитаре какой-то противный скрипучий мотив. Обложка контрабандного самоучителя была украшена аляповатой пентаграммой. Огненный меч пылился, прислонённый к дереву.

– Не уговорила? – сочувственно поинтересовался он, созерцая мой унылый вид.

Я только руками развела.

– Марь Ванна! Марь Ванна! Мальчишка у вас! Да хорошенький какой!

– Подспорье будет! Сестрёнкам защитник!

«Ну хоть на этом спасибо, папа», – обречённо подумала я, готовясь к потере памяти и первому в своей очередной жизни вдоху.

Прямолинейное чудо

«Уволят-уволят-уволят!.. А-а-а-амброзией мне подавиться, если шеф ещё не подписал приказ! А, чёрт, тьфу, в смысле, неловко-то как вышло! Первое нормальное дело – и вот как так, провал, катастрофа, выпускайте всадников апокалипсиса, всё кончено! И в самом конце года, когда отчёты сдавать! Всё же продумал, всё устроил, ну что им, татуировки на лбах выбить: «это Он» и «это Она»?! Что им ещё надо?! Всё, прощай, карьера, пойду в дворники, звёзды отмыывать...»

Ангел-стажёр в отчаянии ходил туда-сюда по кабинету, мял в руках документы и пытался придумать, как исправить ситуацию. Через час шеф ждал его с отчётом. Но задание было безнадёжно провалено.

Парень и девушка сидели в кафе и старались не смотреть друг на друга. Оконные стёкла переливались морозными узорами. На столах горели свечи в стаканах. Блестели новогодние украшения, из динамиков звучала музыка, а официанты щеголяли в красных колпаках. Предпраздничное настроение было заметно в каждой мелочи.

Молодой человек машинально протирал очки, которые и без того уже сверкали. Девушка, спрятавшись за светлыми волосами, складывала из салфетки журавлика.

– Что же, Дим, – произнесла она, когда молчание затянулось до невозможности, – это твоё решение. Счастья тебе тогда.

Смяла и отшвырнула журавлика, над которым столько трудилась. Не поднимая головы, нащупала за спиной сумку.

– Лена, постой, – всполошился Дима. – Но ведь мы останемся друзьями? Друзьями в любом случае, да?

Она украдкой вытерла щёки.

– Друзьями? Да. Да, конечно... прости... мне пора...

Она встала и, не оборачиваясь, направилась к двери. Он не провожал её взглядом, смотрел в чашку с нетронутым кофе.

Перед аудиенцией юный ангел три раза пробежал по потолку, забраковал три оправдательных монолога, побился для приличия о стену и, героически вздохнув, скрылся в наводящем мурашки кабинете. По приёмной летали нарядные свечки, а на диване дожидались своей очереди ещё два сотрудника с папками в руках. Беловолосого ангела в элегантном светлом костюме звали Пафнутий. Второй, Леонард, щеголял жёлтыми очками, фиолетовым ирокезом на голове и мощными кожаными ботинками.

Ангелы швырялись дротиками в украшенную гирляндой мишень, чтобы скоротать время.

– Опять молодняк прокололся, – заметил Пафнутий, когда дверь за новичком закрылась. – Интересно, что там у

него?

– Что-что, – усмехнулся Леонард и послал дротик точно в десятку. – Это из нашего отдела стажёр. Всё как всегда: двое друг друга любят, но решают остаться друзьями. И никак ты от них не добьёшься, почему. Если хочешь засыпать кого-то – вернейшее задание, таких ничем не проймёшь. Проще маньяка перевоспитать и волонтером в благотворительность отправить, чем людям доказать, что им нужно быть вместе.

– Да уж, знаю таких. Может, глянем, заодно развлечёмся? Есть же парочка средств, если там не совсем безнадежно.

– Хм... можно.

Ангелы дружно метнули дротики в воздух, сбив две свечки, и вышли из приёмной.

Девушка брела по предновогоднему городу мимо уличных музыкантов и подмигивающих из каждой витрины огнями ёлок. Она не обращала внимания на снежные хлопья, которые украсили плечи, иначе заметила бы, что, кроме снега, в бахроме шарфа путаются лёгкие белые перья.

– Лена! – услышала она за спиной, но не обернулась, только прибавила шаг. – Лена! Да стой же! Телефон! Ты телефон забыла!..

Она остановилась. Дима подбежал и, пытаясь отдышаться, протянул мобильный.

– Ты представляешь, – заговорил он, ничуть не обидев-

шись на её бесцветное «спасибо», – только ты ушла, ко мне за столик тип подсел такой... странный, в общем. Волосы белые до пояса, на шее цепь с перьями. Смотрит на меня в упор и говорит: «Если ты, Дмитрий Станиславович, сейчас же не догонишь свою любовь, знай, что это отразится на всём мировом устройстве, потому что из-за тебя уволят талантливого работника Небесной канцелярии, а ему ещё много чего улаживать, кроме ваших сердечных дел. А сам ты будешь всю жизнь жалеть о том, что натворил сегодня». И твой телефон на стол швыряет, а я же точно помню, как ты его забирала! Потом взял мой кофе, залпом выпил и в окно вышел, прямо сквозь стекло... Лен, не делай такие глаза, Лена, я не шучу и не сошёл с ума. Хотя, нет, наверное, сошёл, если наговорил тебе столько там, в кафе. Давай ещё погуляем, общаемся, смотри, какой снег! Новый год всё-таки на носу, отчего не может случиться чудо?..

Новогодний корпоратив был в самом разгаре: сияли огни, оглушительно гремела музыка.

– Тебе не кажется, что ты поступил чересчур прямолинейно? – Леонард привычным жестом взъерошил фиолетовый ирокез.

Пафнутий грустно улыбнулся догорающему бенгальскому огню.

– Возможно. Но ты ведь знаешь, как сложно что-то объяснить людям. Они не понимают намёков, не видят знаки и

едва встретят счастье, бегут от него со всех ног. Бегут и кричат: «Не верю!» Я много таких повидал, но до сих пор каждая оборванная история любви ранит меня, словно неопытного стажёра. И так хочется, чтобы хотя бы раз в году, хотя бы для двоих всё стало предельно ясно. Один раз в год мы имеем право на прямолинейное чудо.

К ним подбежал юный ангел с празднично посеребрёнными крыльями.

– Представляете, меня повесили! Из-за этих влюблённых! Шеф говорит, давно не было, чтобы стажёр справился с таким заданием. А я ума не приложу, отчего так хорошо вышло, мне казалось, они расстанутся... наверное, правда, судьба. Ну, с наступающим!

Пафнутий и Леонард заговорщически переглянулись и подняли бокалы.

Репутация

В центре города, за столиком модного кафе, сидела девушка. Красивая, стройная, с идеальной кожей и удивительными волосами серебряного цвета. Глаза она старалась скрывать под длинными ресницами, но кому посчастливилось в них заглянуть, отмечал их необыкновенный сиреневый оттенок и безумную притягательность. Она была одета не по погоде: в лёгкое платье и босоножки. На спинке стула висела джинсовая куртка. Стояла осень, на улице шёл дождь. Перед девушкой лежал ежедневник, и она сверялась с записями. Было заметно, что она чем-то озадачена.

К столику подошла официантка.

– Готовы сделать заказ?

– Кофе, пожалуйста, – попросила девушка.

– Какой?

– Без разницы, любой принесите.

Официантка хмыкнула, развернулась и ушла, цокая каблуками. Через несколько минут она вернулась и поставила на столик простой чёрный кофе.

– Спасибо, – поблагодарила девушка. И, машинально посмотрев на официантку, замерла.

Официантка была худая, с пережжёнными краской волосами, лицом в резких морщинах и неприветливо поджатыми губами. Строгая укладка, чистая отглаженная форма, руки с

коротко обстриженными ногтями. Девушка попыталась поймать взгляд официантки, и та не стала отводить глаз.

– Это линзы, – пояснила она, указывая на них тонким пальцем. – Народ пугался, пришлось купить.

– А какого цвета ваши глаза на самом деле? – тихо спросила девушка.

– Не помню, – отрезала официантка. – Я в зеркало только в линзах смотрю. Да, нечасто встретишь тут своих. Как зовут тебя?

– Лия.

– А я Шейла. Хочешь, поболтаем? Клиентов всё равно нет.

– Конечно... присаживайтесь.

Шейла устроилась напротив, сцепила руки и устремила на Лию пронзительный взгляд. Придирчиво осмотрев, прищурилась за её спину.

– Какие симпатичные крылышки.

– Спасибо.

– Только вон левое потускнело немного.

Лия испуганно оглянулась, пригладила крыло.

– Да... надо будет к косметологу сходить.

– Внешность для феи – самое главное. Ладно когда совсем девочка, а вот в твоём возрасте уже полагается тщательнее следить за собой.

Лия неуверенно улыбнулась.

– Да вы знаете, мне сейчас не до этого. Я на работу пыта-

уюсь устроиться.

– На работу? – Шейла подняла брови. – Так иди к нам. Вакансии есть, ты как раз подходишь.

– Спасибо. У вас чудесное кафе, но у меня другая цель. Я хочу работать в Небесной канцелярии.

Брови Шейлы поползли ещё выше.

– В кан-це-ля-ри-и? – повторила она по слогам. – Ты с ума, что ли, сошла?

– А в чём дело?

– Ха! – Шейла скрестила на груди руки и откинулась на спинку стула. – Ты что! Замахнулась! Подумай о своей репутации. Ты же фея, что о тебе скажут? Да и куда тебе с самими ангелами тягаться! Максимум в бухгалтерию возьмут. И не в том возрасте ты уже, милочка, чтобы всё с начала начинать. Надо было раньше определяться.

– Что вы заладили, Шейла, возраст, возраст... не так уж мне и много лет, да и в современном мире возраст ничего не значит.

– Сама-то веришь в то, что говоришь? Возраст, милочка, – дело серьёзное. Это ты пока молодая, но ещё совсем чуть-чуть, и всё – неликвид. Вот глянь-ка на себя, – официантка указала на зеркальную салфетницу. – Вот это что? Думаешь, раз волосы серебряные, то седого волоса заметно не будет?

– Он всего один. – Лия заправила прядь за ухо.

– Это пока, – со значением произнесла Шейла.

– Какая разница. В любом случае для будущей карьеры

это непринципиально.

– Какая карьера, милочка? Твоё дело – крылышки полировать. Мой тебе совет: пока ещё красивая, найди себе хорошего мужа. К людям присмотришь. Вон мне один бизнесмен каждую неделю букеты таскает. Только когда знакомиться будешь, крылышки-то прячь свои, напугаешь ещё. Тут с умом надо подходить...

Лия захлопнула ежедневник.

– Спасибо за разговор, Шейла. Мне пора.

Она отставила нетронутый кофе. Поднялась, надела куртку.

– Ты что это, – усмехнулась Шейла, – никак обиделась? Зря, старших нужно слушать. Я же тебе добра желаю. Нам, феям, лучше держаться вместе.

– До свидания. Всего хорошего.

Лия вышла из кафе. Шёл дождь, наступали сумерки – время фонарей и фей. Сигналили машины в пробке. Люди бежали под плащами, под зонтами, по домам, по делам. Если бы кто-то ненадолго остановился, он бы в это волшебное сумеречное время заметил, как за спиной у феи подрагивают, сливаясь со стеной дождя, мерцающие переливчатые крылья.

Она укрылась под аркой. Достала мобильный телефон и сложенный в несколько раз лист желтоватой бумаги. Сверяясь с записями, набрала номер. Три гудка спустя слышался

ся ответ:

– Небесная канцелярия, приёмная. Гарольд слушает.

Лия миг помедлила, глубоко вдохнула и произнесла:

– Добрый вечер. Я звоню по поводу вакансии. Меня интересует должность мечты. Подскажите, пожалуйста, адрес, на который я могу прислать резюме.

У служебного выхода из кафе стояла официантка, прямая и строгая.

– Ишь какая, – цедила она сквозь зубы, – канцелярию ей подавай. Ладно, посмотрим, как тебе крылышки-то там подрежут. Тоже мне, распустились.

Сквозь стену дождя сверкнули фары, рядом с мусорными баками припарковалась машина. Из неё выскочил кругленький лысоватый мужчина в дорогом костюме. Голову от дождя он прикрыл зажатой в одной руке папкой из-под документов, а в другой держал роскошный, неумолимо мокнувший букет алых роз.

– Шейлочка! – воскликнул он и, перепрыгивая через лужи, подбежал к официантке. – Свет моих очей! Вы подумали? Пойдёмте в ресторан? Сегодня в меню изумительные омары с белыми грибочками, и я заказал лучший столик!

Шейла свысока глянула на него.

– Хорошо, Рудольф Семёнович, уговорили. Но вам придётся подождать, пока я закончу работу. Мне, знаете ли, дорога моя репутация.

Мечта

Пафнутий и Аврелий уже заканчивали с кофе и настраивались на рабочий день, когда дверь кабинета открылась. Синхронно повернув головы, увидели Гарольда, секретаря шефа, который с порога загундел:

– Согласно приказу номер два миллиона триста тридцать два по Небесной канцелярии, с сегодняшнего числа в отдел исполнения желаний направлен новый сотрудник на должность мечты. Куратором назначить заведующего отделом Аврелия, ввести в курс дела, к обязанностям приступить немедленно. – Гарольд поднял глаза от бумажки, с которой читал текст, и добавил: – Доброе утро.

В дверях мялась худенькая девушка с серебряными косами и полупрозрачными крыльями. По мнению Пафнутия, она больше смахивала на бабочку, чем на ангела, и вряд ли была приспособлена к работе в поле. Очередная фея, которой захотелось романтики.

Не глядя на новенькую, Аврелий хмуро произнес:

– Кажется, я делал заявление, что при приёме сотрудников в мой отдел, проводить собеседование должен я лично. Особенно с учётом последних событий.

– Распоряжения начальства не обсуждаются! – отчеканил Гарольд.

Поправив очки, он хлопнул стопкой листов об стол и ис-

парился.

– Ну и кто ты такая? – поинтересовался Аврелий после паузы, за время которой успел наполовину выкурить сигарету.

Девушка взмахнула серебряными ресницами и нежным голосом ответила:

– Я – мечта.

Аврелий в поисках поддержки посмотрел на Пафнутия, но тот лишь развёл руками. Что тут сделаешь? Завотделом уселся на край стола и быстро просмотрел бумаги.

– Всё ясно... опыта нет... пять лет обучения... красный диплом... – и обратился к девушке: – Слушай, мечта, ты хоть представляешь свои обязанности?

– Да. – Она решительно улыбнулась. – Я должна сбываться. Я умею, я прошла переподготовку, у меня «отлично» по исполнению желаний.

– Так. – Аврелий отшвырнул листки. – Твои «отлично» остались только в зачётке. Зовут тебя как?

– Лия.

– Вот что, Лия. Сегодня пойдёшь с нами в поле, там и проверим, на что годишься. Пафнутий, – кивнул он коллеге, – выдай ей униформу.

Это было неожиданно. Вылет в поле в первый день работы – серьёзный шаг. Обычно новичкам давали на адаптацию хотя бы неделю, но вмешаться Пафнутий не стал. Во-первых, приказы начальства не обсуждаются. Во-вторых, он по-

нимал Аврелия. Обстановка сложилась непростая, память о том, что недавно случилось, была слишком жива, и следовало в кратчайшие сроки решать – годен новый сотрудник к работе или нет. А новенькая так и светилась. Похоже, не могла поверить своему счастью: чтоб в первый же день и сразу на дело!

– Идём, мечта. – Пафнутий залпом допил кофе и пригласил её в кабинет, где хранилось обмундирование.

Порывшись в ящиках, он нашёл всё необходимое и разложил на столах. Сиреневые глаза феи так и распахнулись, она даже попятилась и спросила:

– Это... что такое?

– Как что? Броня пуленепробиваемая, ударостойкая. При попадании в воду трансформируется в спасательный жилет. В рюкзаке парашют на случай экстренного бегства с вершины горы и трёхдневный запас нектара, если придётся прятаться.

– Но зачем это всё?

Пафнутий усмехнулся.

– А ты как сбываться собралась? Вот в этом платьице и с босыми ножками? Кстати, да! Вот сапоги бронзовые, новейшая разработка, пока дойдёшь, сотрутся не три пары, как раньше, а всего одна... Ты чего так смотришь? Чему вас, интересно, на курсах учили? Звёздную пыль рассыпать да глазками хлопать? Это, знаешь ли, устаревшая система... как-никак двадцать первый век на дворе.

– Нас любить учили, – ответила Лия. – Боль успокаивать. Учили, как массовую долю счастья в мире повышать.

Пафнутий только рукой махнул. Он сам на этих курсах переподготовку проходил. По его мнению, там создавались исключительно тепличные условия, вакуумное пространство и ни намёка на реальность. Лия же взялась изучать арсенал.

– А лопата зачем?

– Копать, – коротко ответил ангел. – Чтобы сбыться, берёшь и копаешь. Или не копаешь, это в зависимости от запроса.

– А ружьё?! Я ведь ни разу в жизни не стреляла!

– Вот и надейся, чтоб не пришлось. Думаешь, когда сбываться начнёшь, тебя так и примут с распостёртыми объятиями? Иногда и отстреливаться надо. В целях самозащиты.

– А это что?

– О, это наша гордость. Демократизатор последней модели, усовершенствованный, с авторской резьбой. Важнейшая вещь, страшно вспомнить, как раньше без него на дело посылали. Видишь ли, порой до людей не доходит, что ты та самая, кого они ждали, вот и приходится немного подправлять мозги. Иногда болезненно, зато действительно.

Лия взяла демократизатор в руки и едва удержала равновесие под его тяжестью. Пафнутий же вытащил из шкафа планшет с мерцающим экраном.

– Это расшифровыватель, его на пояс цепляешь, наушник в ухо. Шифрограммы распознаёт, которые люди нам посы-

лают. Думаешь, они напрямую говорят, о чём мечтают? Ага, как же! Пока разгадаешь, голову сломаешь. Мы без конца твердим начальству, что нужно отдел аналитиков создать, специализированный, чтоб человеческие желания разгадывать, но пока имеем только вот это. Ну, чего загрустила, мечта? Гляди веселей, справишься. Аврелий – начальник хороший, не зверствует, переработки компенсируются. Покажешь себя хорошо – сработаемся.

– Да уж, – с нервным смешком проговорила Лия. – Теперь не удивляюсь, почему предыдущая сотрудница уволилась.

– Уволилась? – переспросил появившийся в дверях Аврелий. – Значит, вот как тебе сказали?

– Да... а разве это не так?

Взгляды ангелов на миг встретились. Аврелий закурил. Они избегали этой темы на рабочем месте, только по вечерам, в баре, иногда...

...Рыжеволосая девушка решительно снимает с себя броню, разряжает ружьё, откладывает расшифровыватель. Под потолком мигает перегорающая лампочка. Ангелы изо всех сил стараются переубедить девушку, под ногами Аврелия ва-

ляется смятая пачка из-под сигарет, в воздухе дым, а он сдвигает клапан с другой.

У Мечты золотые, в огненных искрах, крылья, воздушное платье и сверкающая улыбка. «Да не гоните вы, я справлюсь... да, конечно, уверена!» Пафнутий пробует всучить ей хотя бы нож для самозащиты, хоть что-то, но она и слышать об этом не хочет.

Хлопает дверь, вихрь огненных волос и алых лент скрывается в ночи, без коллег, без поддержки, без оружия.

Пафнутий помнил безумную надежду, которой она всех заразила. Ведь случалось же, что мечты сбывались, движимые одними лишь верой и любовью. И не требовалась вся эта современная дрянь, защита, шифры, пути отступления... Вдруг у неё получится?! Наверное, если бы у кого и могло такое получиться, то только у неё.

Аврелий и Пафнутий до ночи дежурили в кабинете, там же и заснули. Помятые лица, помятые крылья, не ангелы, а чёрт пойми что...

Их разбудил стук в дверь, вслед за которым послышался кашель Гарольда и разъярённые крики шефа. Пафнутий толком не помнил тот разнос, его тогда вообще мало что волновало. Из той ночи он запомнил только обгоревшую рыжую прядь, перевязанную алой лентой. И ещё мысль о том, как хорошо, что ленты алые – на них не так заметна кровь. Потом были выговор с занесением в личное дело, штраф, ужесточение правил работы.

Похоже, ангелы молчали слишком долго, и новая сотрудница, ещё не имеющая толком понятия, во что ввязалась, переспросила:

– Так что с ней случилось?

– Не вернулась с задания, – погасив сигарету в пепельнице, сдержанно и по-деловому ответил Аврелий, и только Пафнутий понимал, чего это ему стоило. – Убили нашу мечту. Как часто случается: кто запрос на исполнение делает, тот и убивает. Ладно. Вылет через десять минут. Гляди веселей, новенькая. Покажешь себя хорошо – сработаемся.

Творец

Тина

Я вымыла кисти и оставила картину сохнуть. Все дела на сегодня завершены, до окончания работы детского сада оставалось ещё часа полтора. Как раз оставалось время спокойно выпить кофе и почитать. Я взяла любимую керамическую турку, засыпала зёрна в кофемолку, отмерила холодной воды. Просмотрела ежедневник. Через неделю заканчивался приём работ на конкурс иллюстраций для масштабного проекта. В следующем месяце открывалась городская выставка, к которой я рассчитывала закончить три картины. Плюс куча текущей работы.

Обычно кофе на моей плите варится ровно пять с половиной минут. Я задумалась, и меня настигли одновременно два схожих друг с другом звука. Первый – это сбежал кофе, которому отчего-то понадобилось на это не больше трёх минут. Второй...

Я медленно закрыла ежедневник, сделала глубокий вдох и, стараясь взять себя в руки, повернулась к окну.

На подоконнике нога на ногу сидел Лео. Незажжённая сигарета в зубах, экстремально фиолетовый ирокез на голове, жёлтые очки, яркие витражные крылья, берцы размера этак

сорок пятого, на руках шрамы от ожогов, которые он и не пытался скрывать. Лео улыбнулся. Постарался как ни в чём не бывало, но понял, что со мной этот фокус не пройдёт, и опустил взгляд.

Я знала, что это когда-нибудь случится. Чего душой кричать, я хотела, чтобы ко мне пришли и начали уговаривать. Но оказалась не готова к такому повороту событий. Я думала, с высокомерно-отстранённым выражением лица молча поставлю нужную подпись и сделаю вид, что знать больше никого не хочу. Возможно, так и получилось бы, явись ко мне кто-то более официальный и незаинтересованный. Но Лео? Тот, с кем мы огонь и воду, бюрократию и произвол прошли?

– Кофе нальёшь? – спросил он.

Я посмотрела на залитую чёрной жижой плиту – результат искусственного ускорения хода событий, нередкий побочный эффект от соприкосновения миров, и почувствовала, что сама закипаю не хуже воды. Леонард, как всегда, уловил моё настроение, прыгнул с подоконника и решительно взялся за уборку и приготовление новой порции.

Наблюдение за ангелом, который хозяйничает на кухне, оказалось неплохим успокоительным средством. Через положенные пять с половиной минут кофе был готов, а я – готова начать беседу. Лео разлил кофе по чашкам и подал одну мне.

– Плохо нам без тебя, Тинка, – без прелюдий сообщил он,

сделав глоток.

Несмотря ни на что, я его очень любила. Мой лучший друг, мой верный соратник, ангел Леонард, замначальника отдела бытовой магии, пришёл-таки меня уговаривать. Конечно, не он принял решение, но всё же.

– Зато мне хорошо, – отозвалась я.

Он скептически улыбнулся одним углом губ.

– Да ну.

– Ну да. Садись.

Мы сели на подоконник.

– Закурю? – спросил ангел.

– Не вопрос.

Лео щёлкнул пальцами, вспыхнул огонёк. Он с удовольствием затянулся сигаретой, а ещё одну предложил мне. Я отказалась. Некоторое время мы пили кофе в молчании.

– Тин, там шеф... – решился, наконец, Лео. – Очень просит тебя прийти. Хочет с тобой увидеться. У него есть для тебя специальное задание.

Я усмехнулась.

– Надо же! Меня не вызывают, не приказывают, а просят прийти!

– Да. Ты же так долго не выходила на связь...

– Надеюсь, догадываешься, почему? – зло бросила я.

Леонард молчал. Я уставилась в окно, на апрельский город, который скидывал с себя остатки грязного снега, на высокое весеннее небо. Мои руки были испачканы масляной

краской, мне вскоре нужно было забирать из детского сада дочку – Маришке почти шесть лет. В свои двадцать семь я работала художником-иллюстратором, у меня наконец-то началась стабильная хорошая жизнь, появилось любимое занятие. Я впервые за долгое время почувствовала себя счастливой. Получила передышку, перестала разрываться между мирами, хоть и стоило это мне... Мне двадцать семь, если не брать в расчёт предыдущую вечность, которую я всегда вижу, когда смотрю на себя в зеркало. Мои глаза – как бывало вдохновенно разливался соловьём Леонард под чашку кофе с каплей чего покрепче – цвета первой апрельской зелени, с коричневыми прожилками, схожими с шелухой прошлогодней сухой полыни... Мои глаза навсегда вобрали в себя боль прожитых жизней. Моя внешность менялась, но они не менялись никогда.

– Лео, ты в курсе, сколько на мне служебок висит? Почему бы меня просто не уволить?

– Да в курсе уж. Шеф показывал. У меня вот тут, да где же... – он зашарил по карманам джинсов, – а, вот оно. Держи пропуск. Всё официально.

Он протянул мне смятую бумажку в пятнах. В углу светилась печать с гербом. Я взяла её, пробежала глазами. Сплошные канцеляризмы и деловые обороты, ни грамма смысла. Но с этой бумагой я могла прийти в офис Небесной канцелярии и провести там какое-то время без ущерба для себя.

– Я пытался с тобой связаться, ты же помнишь, – серьёзно

произнёс Леонард. – Это зависело не от меня. Как только шеф упомянул о тебе, я сразу же вызвался, первым.

Он вытащил из другого бездонного кармана похожую бумажку. Только печать уже не светилась – ангел использовал пропуск в мир людей.

Я допила остатки кофе. Взглянула на Леонарда. Он тоже смотрел в окно, сняв жёлтые очки, которые придавали ему легкомысленный вид. Меж бровями залегла складка, и я видела море в его глазах – в отражении оконного стекла. Чего мы с ним только не творили в своё время, шеф за голову хватался. Сколько от него шло вдохновения, он буквально фонтанировал какими-то идеями, что-то делал, куда-то бежал...

И я решилась:

– У меня час. Мне ребёнка из сада забирать. Подожди, переоденусь.

Он кивнул без лишних слов.

Вернувшись, я застала Лео в своём рабочем кабинете. Он стоял перед мольбертом и рассматривал новую картину. Я вздохнула. Ощущение, как будто в детстве кто-то читает твой личный дневник.

– Нравится? – приблизившись, спросила я.

– Да.

В верхней части картины раскинулось небо. Среди старых развалин горел костёр, искры от которого летели вверх, смешиваясь с падающими звёздами.

– Та-а-ак... – глядя на меня поверх очков, протянул Христиан Сергеевич, – явилась наконец.

Я молча смотрела в окно, облокотившись о колонну. Руки скрестила на груди, одну ногу заложила за другую. Лео же, напротив, с шиком развалился в самом удобном кресле, вытянул ноги в мощных берцах и достал сигареты. Впрочем, сразу же убрал после недвусмысленного взгляда Христиана Сергеевича.

– Явилась, – повторил шеф и, бегло пролистывая в беспорядке разбросанные по столу бумаги, забормотал себе под нос: – Задание провалила... отчёт не предоставила... хм-м... послала матом секретаря, явившегося за материалами... требуется разбирательство... уволить по статье... Так!

Шеф одним движением смахнул документы на пол, сцепил перед собой руки и уставился на меня в упор.

– Изволь объясниться.

– Что я должна объяснять? – поинтересовалась я, продолжая изучать облака за окном. – У вас есть все сведения. Поступите по закону, и делу конец. Могу написать заявление сама, хотите – увольняйте по статье. Мне всё равно.

– Ишь какая! Всё равно ей. Ты меня не учи, – спокойно проговорил шеф. – Ты лучше на меня посмотри.

Сглотнув ком в горле, я перевела взгляд на его лицо, суровое, в лёгких морщинках, но с необыкновенно добрыми голубыми глазами.

– Послушай, для меня вот это, – Христиан Сергеевич по-

вёл подбородком в сторону раскиданных листков, изобличающих мою некомпетентность, – не имеет равным счётом никакого значения. Одно моё слово, и никто даже глянуть ко-со на тебя не посмеет, не то чтоб доносы строчить. Ты мне лучше скажи как на духу, в чём дело? Я понимаю, случилось трагическое происшествие, но мы разобрались, восстановили тебя в другом отделе. Можно продолжать работу.

– В чём дело? – с иронией переспросила я. – У меня ребёнок. Работа. У меня жизнь. Мне не до ваших заданий. Что я за это получу? Где мои гарантии? Зарплата, уверенность в будущем, отпуска, больничные? Конечно, раньше я так не говорила, но времена меняются, шеф. Многое проходит, и я хочу жить и наслаждаться жизнью. Жить по-человечески, а я ведь человек, если вы не заметили!

И так далее, и тому подобное... я настолько разошлась, что никто и слова не смог бы вставить. Да они и не пытались. Шеф внимательно и серьёзно взирал на меня поверх очков, и на его лице не шевелился ни один мускул. Лео утонул в кресле, расслабленно откинул голову назад и чуть улыбался.

– ...С меня хватит. Ищите на эту собачью работу других творцов. Их много, молодых, талантливых. Горы вам свернут. А с меня хватит.

Словно в ответ на мои слова тихонько скрипнула дверь. Вошла девушка – воистину небесное создание: прозрачные крылышки, газовое платье, туфельки, огромные сиреневые глаза. Увидев нашу компанию, она смутилась.

– Простите, Христиан Сергеевич, я не знала, я потом зайду...

– Нет-нет, голубушка! – быстро произнёс шеф. – Проходите, проходите.

Девушка проплыла мимо меня, встрёпанной и злой, в обычной чёрной майке и потёртых джинсах, и положила на стол розовый, мелко исписанный листок.

– Вот отчёт, Христиан Сергеевич. За прошлую неделю. Три мечты исполнены, две в разработке.

– Спасибо, Лия, – кивнул шеф.

Девушка скромно улыбнулась:

– Тогда я пойду?

– Разумеется. Да, вы же ещё не знакомы! Это Алевтина, наш творец. Тина, это Лия, в настоящее время занимает должность мечты.

Я потеряла дар речи. Девушка со смущённой, но уверенной улыбкой подала мне руку. А я только и могла, что смотреть в эти прозрачно-сиреневые глаза. Потом покосилась поверх её плеча на Лео. Тот вяло помахал мне из недр кресла. Девушка опустила так и не дождавшуюся пожатия ладонь, вежливое воодушевление сошло с её лица и, взмахнув крыльями, она выскользнула из кабинета.

– Вы что творите? – спросила я севшим голосом.

– Вот видишь, как приходится работать. – Шеф развёл руками. – Она прекрасная фея, но...

– Да её убьют на первом же серьёзном задании! – уже не

сдерживаясь, заорала я. – Да она хоть демократизатор умеет в руках удерживать?! Если вы не можете подыскать достойную мечту, сократите эту должность, но не надо превращать сотрудников в расходный материал! И вы ещё удивляетесь, почему от вас бегут! Вы удивляетесь, почему творцы бросают работу! Вам плевать на нас, вам лишь бы планы выполнять...

Христиан Сергеевич предостерегающе поднял палец, но меня это не остановило.

– Скажите прямо, ради чего вы меня сюда притащили. Если уж вы на должность мечты фей-однодневок принимаете, то найти творца на халтурку – раз плюнуть. Зачем я понадобилась?

– Тина, – серьёзно проговорил шеф, – дело в том, что у меня есть некоторые основания полагать, что наша Мечта жива.

Наступила тишина. Я не верила своим ушам. Чтобы шеф, трезвомыслящий профессионал... нет.

– Нет. Это невозможно. Я была там. Я, а не вы. После такого не выживают. Никак. Никто. И даже невзирая на это, я пыталась её отыскать целый год. Год! Шеф, я чуть не сдохла за этот год, и не только не нашла её, но и не получила ни единого послания от вас. Ни-че-го. Я чуть не сошла с ума, сама едва выжила, а вы... Что делали вы, шеф? – В моём голосе зазвучала горечь. – Вы дали мне хоть что-то? Вы дали мне хотя бы кусочек веры? Вы бросили меня так же, как бросили и её. И теперь желаете невозможного. Теперь, когда, похоже,

осознали, что натворили.

Я осеклась, перевела дух. Христиан Сергеевич молчал.

– С чего вы взяли, что она может быть жива? – спросила я.

– Я всё подробно расскажу, если ты согласишься снова работать, – ответил шеф. – Дам инструкции. Обсудим план.

Я прикидывала плюсы и минусы, но все доводы разума затмевал один образ. Река, бетонный парапет, закатное солнце, серебряный медальон в руках Беллы...

– Не возьму, – говорю я и отворачиваюсь от слепящего солнца. – Ничего с тобой не случится. Я буду рядом.

– Бери! – Она суёт мне в руки медальон. – Я настаиваю. Если всё пройдёт хорошо, вернёшь. Если нет... нельзя, чтобы он пропал.

Я кручу в руках безделушку.

– Что там?

Она улыбается своей солнечной, немного лисьей улыбкой.

– Не узнаешь точно, пока не придёт время открыть.

– Ладно. – Я прячу медальон в карман. – Белла...

Но она не слушает, берёт меня за запястья и заглядывает в глаза. Солнце золотит её невозможно рыжие волосы.

– Я должна рискнуть, понимаешь? Я больше не могу так работать. Демократизаторы, лопаты, шифрограммы... Это всё не для мечты. Раньше было иначе. Я знаю. Чувствую. Я должна хотя бы попытаться.

– Аврелий не позволит тебе, – вырывается у меня последний аргумент.

– Он не вправе мне запретить, – спокойно возражает она. Мы крепко обнимаемся.

– Будь осторожна.

– Люблю тебя.

Я изо всех сил старалась создать для неё пространство. Даже когда поняла, что всё потеряно, была на её стороне. Никто не пришёл нам на помощь. О её гибели я узнала от Леонарда, похоже, единственного моего друга в этой шарашкиной конторе. Сквозь жуткие помехи он дозвонился до меня, попытался что-то объяснить. Но стоило мне уловить смысл, связь оборвалась. Как ни пробовала я связаться с офисом Небесной канцелярии, где числилась внештатным сотрудником, все попытки оказались тщетными. Я осталась одна.

А через некоторое время как ни в чём не бывало мне начали поступать из офиса задания и запросы на планы. На контакт со мной выходили исключительно незнакомые лица. Выяснилось, что меня вообще перевели в другой отдел. Я ничего не знала о своих бывших коллегах. Было от чего разозлиться! Естественно, задания я и не думала выполнять, больше всего хотелось, чтобы от меня отстали и исключили

из внештатата. И вот, пожалуйста, ни с того ни с сего потребовалась моя помощь.

°в,

Мимо громадных, от пола до потолка, окон пролетали облака. Где-то у горизонта зарождалась радуга.

– Оплата? – поинтересовалась я.

– Вера, – просто ответил Христиан Сергеевич. – В необходимом тебе количестве.

– Вы разоритесь, шеф, – усмехнулась я. – После того, что было, веры мне нужно много. Плюс я требую достаточный запас веры для моей семьи. Чтобы хватило всем. Надолго.

Брови шефа поползли вверх. Лео посмотрел на меня с явным уважением.

– Для всей семьи, – повторила я с нажимом. – Иначе ищите другого творца. Повторюсь, недостатка в энтузиастах не будет.

Шеф снял очки и устало потёр переносицу.

– Согласен, – кивнул он. – На днях Гарольд подготовит новую должностную инструкцию, и мы с тобой обсудим план. И ещё: работать будешь с напарником.

Я с надеждой взглянула на Лео, но шеф утопил в стол одну из многочисленных кнопок и велел:

– Аврелий, в мой кабинет, немедленно.

– Нет! – почти выкрикнула я в ярости.

После такого я точно была готова развернуться и уйти. Но буквально в ту же секунду ангел материализовался по-

среди кабинета, и сбежать мне не позволила гордость. Аврелий, заведующий отделом исполнения желаний, – забранные в хвост чёрные волосы, простая униформа, шрам на одном крыле у самого плеча. Он посмотрел на меня, и его тёмные глаза вспыхнули острой неприязнью. Я посмотрела на него и... не знаю, что там отразилось на моём лице, но мы так и не сумели расцепить взгляды, пока до нас не донёсся голос шефа:

– Уважаемые коллеги, благодарю за содействие и понимание.

Аврелий молчал, и я прекрасно знала это его молчание – хуже воя на болотах.

– Работаете в паре, – ещё раз повторил шеф, чтобы дошло до обоих. – Сложно, понимаю. Поверьте, никому не легче. Леонард, будь добр, сходи к Гарольду и попроси его как можно быстрее оформить Тине бессрочный пропуск.

Лео подмигнул мне и испарился. Шеф продолжал:

– Тина, заберёшь пропуск на выходе. Дополнительные инструкции получишь завтра. Вопросы есть? Нет? Свободны. Аврелий, проследи, чтоб Тина добралась без проблем, вижу, отвыкла. Ну, марш отсюда, идите-идите...

У меня и правда начинала кружиться голова – человек не мог здесь долго находиться, так же, как и ангел в мире людей. Аврелий так и не проронил ни слова и ничему не удивился. Очевидно, его проинструктировали заранее. Мы дружно развернулись и пошли к выходу.

– Тина. Аврелий.

Неожиданно мягкий голос шефа настиг нас около самых дверей. Мы обернулись.

Христиан Сергеевич, сидящий за громадным столом в самом конце кабинета, выглядел бесконечно уставшим. Сейчас бросилось в глаза, как он постарел за эти годы.

– Я всё понимаю, всякое бывало. Вы простите, если что не так. Ничего личного. Это работа. Но... вы постарайтесь уж. Постарайтесь на славу. Пожалуйста. Этому миру нужны настоящие мечты. И нужны хорошие творцы. Нам всем. Как никогда.

Кафе остановившихся часов

Ведьма гадает на серебре и кофейной гуще. Серебро плавится в её пальцах и падает на землю, словно ртутные шарики, которыми играют неосторожные мальчишки.

– Смотри, – говорит ведьма, – это твоя судьба разбилась о камень, а это осколки звёзд, что угасли задолго до твоего рождения.

– Смотри, – говорит ведьма, – это твои непролитые слёзы, они превратились в металл, легли на дно твоей души и отравляют тебя изнутри.

– Слушай, – говорит ведьма. – Слышишь звон серебра? Слышишь «кап-кап-кап» – это день за днём уходят в песок. А что это за звон, похоронных ли колоколов, рождественских ли колокольчиков, я не знаю.

Человек со страхом слушает ведьму, человек протягивает ей чашку из-под кофе, и, взглянув в неё мельком, ведьма улыбается одними губами.

– Чего ж ты пришёл сюда, человек, – говорит ведьма, – когда всё и так знаешь? Уж не хочешь ли ты, чтобы кто-то за тебя исправил твою судьбу, выбрал из земли капли остывшего серебра, собрал их воедино и выковал диадему с лисьим профилем? Иди-ка ты, – советует ведьма, – выпей ещё чашку этого замечательного кофе и ступай. Ступай отсюда подобру-поздорову творить свою жизнь.

Человек послушно направляется к бару, но ничего не заказывает, только ставит пустую кружку на стойку и уходит.

Ведьма подходит следом, бармен смотрит на неё разноцветными кошачьими глазами и приветливо скалит зубы, через один золотые. Руки его живут сами по себе: натирают столешницу, жонглируют бокалами, ныряют в потайные ящички, из которых то вырвется спираль сиреневого дыма, то донесётся подозрительное ворчание.

– Ты постоянно предсказываешь всем одно и то же, не надоело? – спрашивает он ведьму и, не дожидаясь ответа, добавляет: – Тебе как обычно?

Она кивает и, пока бармен колдует в своей вотчине ароматов, жидкостей и пряностей, рассматривает стены кафе.

Она знает каждую деталь, но всё равно изучает их взглядом, как теперешние взрослые изучали в детстве ковры над кроватями. Стены увешаны часами самых разных моделей, видов, размеров, полками, на которых, в свою очередь, стоят всё те же часы. Дешёвые пластиковые будильники и раритеты ручной работы из неизвестных пород дерева, за которые передрались бы все музеи мира. Домики с шишками и кукушкой в окне и настоящие чудеса механики, где кукольные герои с каждым оборотом часовой стрелки рассказывают свою историю. Есть здесь и громадные напольные часы с маятниками, и наручные, криво подвешенные за рваный ремешок, и самые обыкновенные, не стоящие отдельного описания, каких прорва в любом магазине... Перечислять мож-

но бесконечно.

Все часы разные, но есть у них и общая черта: все они показывают разное время и не идут. На циферблатах замерли стрелки, а на немногочисленных электронных – набор цифр. Это можно бы объяснить причудами хозяина кафе, но только до тех пор, пока не взглянешь на единственные рабочие часы, что висят прямо над стойкой. У них два циферблата на деревянной основе, кустарно украшенной часовыми колёсиками и цепями. Один циферблат показывает время мира людей – обычное, тянущееся в полном соответствии с законами физики этого мира. Стрелки же второго циферблата живут отдельной жизнью: то замирают надолго в неподвижности, то вдруг начинают нестись с бешеной скоростью, напоминая лопасти вентилятора, то едва-едва ползут, соревнуясь в медлительности с улитками из соседней лужи. Иногда оба показывают одинаковое время, но это случается крайне редко. Все, кто заходит в кафе, живут по времени второго циферблата.

Меню в Кафе остановившихся часов довольно обширное. Кофе с запахом прошлогоднего сентября. Брауни с начинкой из прощания с первой любовью. Чай из цветов, что распустились за минуту до слов, которые изменили всё. Котоглазый бармен весьма изобретателен, к каждому способен найти индивидуальный подход и часто понимает посетителей без слов. Есть в его арсенале напитки, которые вызывают яркие воспоминания и привыкание. Можно просто прий-

ти и, ничего не заказывая, посидеть, поглазеть по сторонам. У кафе нет адреса, нет странички в соцсетях, информация о нём передается от человека к человеку – или от нечеловека к нечеловеку – из рук в руки, через записки на обрывке салфетки, через аляпистое граффити в подземном переходе, через небрежно брошенное словечко случайно встреченным соседом на автозаправке.

Каждый может принести сюда свои часы на хранение. Часы останавливаются в момент яркого, сильного переживания, которое изменило жизнь, судьбу, личность. Вне зависимости от того, как дальше разворачивались события, сюда можно прийти и пережить этот момент снова и снова, а иногда и заглянуть в то будущее, которое наступило бы, сделай ты тогда по-другому. Кафе специализируется не только на этом. Здесь можно назначить друг другу свидание, даже если вы живёте в разных мирах и временах. Можно прийти в поисках чего-то утраченного. Есть подозрение, что даже сам бармен, он же хозяин, он же создатель кафе, не знает обо всех его возможностях и, находя новую, удивляется и запускает рекламу на крыльях вездесущих голубей и на флаерах разгильдяев-промоутеров, которые и не смотрят, что раздают. Потом кормит бродячих котов, которые каждый вечер приходят к входу, зажигает латунные фонари разной формы, садится в плетёное кресло, пьёт вечерний чай, слушает скрипучий граммофонный джаз и смотрит в глубину парка разноцветными глазами.

Ведьма-без-имени приходит на открытую веранду каждый день, заказывает горький кофе, проводит здесь некоторое время и исчезает в неизвестном направлении. На ней длинное фиолетовое платье с прожжённым в двух местах подолом, чёрный плащ, бронзовая массивная цепь на шее, грубые, но удобные и качественные ботинки.

Ведьма знает почти всех завсегдатаев кафе, кто и зачем приходит, кто явится ещё раз, кто больше никогда. Она видит каждого насквозь.

Но, возможно, это ей только кажется.

Сегодня в кафе с утра пораньше уже находились двое. Молодая женщина в чёрной майке и джинсах, невыспавшаяся, с кругами под глазами, с тёмными волосами до плеч. Она сидела, скрестив руки и откинувшись на спинку стула. Напротив устроился ангел, тоже довольно встрёпанного вида, с чёрными крыльями, которые больше подошли бы демону или вороне, той, что сегодня на рассвете каркала на верхушке сосны. Они почти не смотрели друг на друга и мало разговаривали. На столике, кроме двух чашек кофе и пепельницы, лежала пачка бумаги.

Тина

Прошлым вечером шеф вызвал меня и Аврелия на подробный инструктаж.

– Значит, так, – начал Христиан Сергеевич, в упор уставившись на нас поверх очков. – Первый шаг к поиску мечты – это исполнение желаний. Традиционно трёх. Согласны?

– Да, – кивнула я.

– Нет, – возразил Аврелий.

Шеф вздохнул.

– Что ж, я и не рассчитывал, что будет легко.

– Три желания? – переспросил Аврелий. – Я вам что, грёбаный джинн?

– Нет, – терпеливо отозвался шеф, – ты заведующий отделом исполнения желаний. Это в твоей прямой компетенции. Присмотритесь к Кафе остановившихся часов, там недостатка в клиентах не будет. Леонард подобрал в архиве досье тех, на чьи желания стоит обратить внимание.

– Леонард? – скептически уточнила я. – В архиве?

Хотя бы одно ясно точно: на нормальные досье можно не рассчитывать.

– Шеф, я всё понимаю, но... – не унимался Аврелий.

Я зевнула и, демонстративно покосившись на часы, поудобнее устроилась в кресле. Знала, что эта волынка с преппирательствами в кабинете Христиана Сергеевича может за-

тянуться до бесконечности. Мне, в сущности, было всё равно. Какое дадут задание, такое и выполняю. Я даже не слушала, о чём они говорят. Но внезапно Аврелий сменил тактику: принялся со всем соглашаться, и инструктаж закончился быстро. Зная ангела не первую жизнь, я догадалась, что его осенила какая-то мысль, о которой шефу знать не положено. И мне до поры до времени тоже. Хоть мухобойкой из него выбивай, не расскажет.

Затем мы с Аврелием ещё полночи, изо всех сил стараясь вести себя друг с другом вежливо и корректно, сводили план. Потом мне пришлось гоняться за Лео, чтобы добыть фотографии к досье. После Лео гонялся за мной, потому что по невероятному разгильдяйству выдал мне фотографии не из рабочего архива, а из личного, притом весьма деликатного характера. Далее за нами обоими гонялся Гарик, поскольку мы случайно устроили страшный бардак в его аккуратненько сложенных, листочек к листочку, документах. Нас он, конечно, не поймал, зато выловил пробегающего мимо молоденького практиканта и самым нудным и поучительным тоном, на какой только был способен, велел взяться за наведение порядка. Практиканты Гарика побаивались. Секретарь шефа был худощавым, в строгом, отглаженном костюме, в начищенных ботинках, с идеально прилизанными назад, в короткий хвостик, волосами. Он носил прямоугольные очки, а правую скулу пересекал белый шрам. Лео шутил, что Гари-

ка не иначе прибило очередным кубком за хорошую работу, когда тот его на полочку ставил.

А потом явилась уборщица баба Шура, на всех наорала и выгнала из кабинетов. Увидела меня, присмотрелась и разоралась ещё сильнее, потрясая ведром и шваброй. Влетело Аврелию за то, что он хоть и дослужился до начальника, а ума не нажил и угробит своих сотрудников, не сходя с места. Влетело Леонарду за то, что он, попугай расхлюстанный, мало того, что и так позорит честь предприятия, так ещё и не имеет никакого понятия о помощи коллегам, особенно женщинам. Влетело Гарику за то, что он очки нацепил, а не видит, что у него под носом происходит, а должен бы, как правая рука Христиан Сергеича. Влетело и молоденькому практиканту – ни за что, для острастки, чтоб место своё знал.

Христиан Сергеичу не влетело лишь потому, что он уже отправился домой.

Явление уборщицы произошло очень вовремя. Я совсем забыла, как рассчитывать здесь силы, и теперь голова кружилась, глаза слипались.

Я толком не помнила, как привратник Михаил поднял шлагбаум, как миновала Врата, приложив к ним пропуск, и как Аврелий, единственный, у кого тоже был бессрочный пропуск, помог добраться домой и оставил меня у подъезда. Тут ему тоже внезапно поплохело, и я успела испугаться, что сейчас придётся переть ангела в его мир, и мы так и будем летать туда-сюда.

К счастью, он взял себя в руки и испарился, не попрощавшись. Ну, как испарился – взял да и полетел, как у себя дома. Бомж, приканчивающий пол-литра на лавочке, икнул и перекрестился. Кот на третьем этаже заорал сиреной. Стая воробьёв вспорхнула с куста. Дети в песочнице засмеялись, потыкали пальчиками в небо и продолжили играть как ни в чём не бывало. Мамы вокруг песочницы не отрывались от смартфонов. Я даже немного посочувствовала Аврелию: за такое точно влепят выговор. Есть исключительные моменты и определённые дни, когда ангелам позволено показываться людям, и то с последующим долгим и нудным обоснованием. Но сейчас явно был не тот случай.

Полночи прошло только в Небесной канцелярии. В мире людей наступал вечер. А на следующее утро я уже добралась до Кафе остановившихся часов.

Это кафе было одним из немногих мест, где ангелу и человеку можно встретиться и нормально поговорить без особого ущерба для обоих. Конечно, наши с Аврелием беседы я бы с натяжкой назвала нормальными, но уж как есть. Дело в том, что человек лишь ограниченное время мог провести в офисах Небесной канцелярии, это требовало немалых затрат. Равно как и ангелы не могли долго находиться в мире людей.

Итак, мы с моим коллегой Аврелием, заведующим отделом исполнения желаний Небесной канцелярии, сидели за

уличным столиком Кафе остановившихся часов. Перед нами дымились две чашки кофе и увесистый план работы. Большая часть выданных нам досье выглядела так, будто Лео и Гарик дрались за каждое слово: всё перечёркнуто по многу раз, бумага в чернильных пятнах, данные противоречат сами себе. Про фото и говорить нечего. Спасибо, если хотя бы чёрно-белый газетный снимок прикололи, а не любительскую карикатуру рукой Леонарда на коленке. Пробежав несколько страниц глазами, я вздохнула и передала план Аврелию. Он, даже не взглянув, перевернул стопку листов титулом вниз и уже в который раз закурил.

В кафе было пусто. Чуть позже нас пришла женщина в длинном фиолетовом платье и чёрном, выдавшем виды плаще с капюшоном и заняла самый дальний столик. Из бревенчатого домика, где располагалась основная часть кафе, доносилась скрипучая граммофонная музыка. Ей подпевал бармен. Напротив кафе громоздились мусорные баки, а за ними был старый городской парк. Если бы людям без особого приглашения вздумалось заглянуть в этот закуток за помойкой, они бы увидели разве что груду строительного мусора, который всё никак не могут вывезти коммунальные службы, и забыли бы об этом, едва отойдя на пару шагов.

Стояло апрельское утро, и было тепло настолько, что я сидела в одной майке, а кожаную куртку повесила на спинку стула. На пне возле входа в кафе плясали крошки-фаэри. Мы с Аврелием собирались с духом, чтобы заговорить о деле.

Я вспоминала, как бродила по ночному городу, как пыталась создать пространство для Мечты. Пахло черёмухой, остро, дурманяще. Это не запах, а нож... Полное бессилие, неверие, отчаяние. И злость. Меня бросили, не помогли, не предоставили ничего, не протянули руки.

– Как ты мог отпустить её на такое задание? – наконец произнесла я.

– А как ты могла не создать для неё пространство? – парировал ангел.

Мы замолчали. Отлично. Вполне в нашем духе – начинать общение с взаимных обвинений. Чтобы занять руки, я потянулась к плану работы. Пролистала и отложила. Не план, а сплошная профанация для отчётности.

– Почему ты согласилась на работу? – спросил Аврелий.
– Ты ведь знаешь, что это за гранью возможного.

– Быть может, потому что не только тебе хочется заглянуть за грань? – Я спокойно взглянула ангелу прямо в глаза. Я прекрасно знала, чем его можно задеть, и сейчас не испытывала ни капли стыда. Однако он, против моих ожиданий, только усмехнулся.

– Здравствуй, ангел, – услышала я голос рядом.

Женщина в фиолетовом платье стояла у нашего столика. Её чёрные с проседью волосы спадали на грудь, одна прядь фиолетового цвета завивалась, а в несколько дред были вплетены костяные бусины. Из-за низко надвинутого капюшона я не рассмотрела глаз, только губы – красиво очерченные,

обрамлённые двумя морщинками.

Аврелий кивнул в знак приветствия, но ничего не сказал. Похоже, знакомы они не были.

Не дожидаясь приглашения, женщина села на свободный стул.

– Мне повезло встретить тебя, ангел, – произнесла она. – Я тебя знаю, ты работаешь в исполнении желаний. Я хочу оставить запрос.

Её глубокий голос звучал хриловато, с нотками иронии на самом дне. Она откинула капюшон и посмотрела на нас. Глаза её походили на обсидиановые зеркала – чёрные, блестящие, у которых не видно дна.

Ведьма выходит на крыльцо и ловит ветер в глиняный кофейник с неровным носиком. На дне её кружки плещется болото, в котором живут милые твари без глаз и лап, хотя кому-то они могли бы показаться отвратительными. Они уходят сквозь дно кружки и возвращаются в мох, зарываются в пушистые стебли. Ведьма пьёт кофе и щурится на плоские облака, которые гонит ветер. Она ждёт перелётных птиц. И пусть многие птицы уже вернулись домой, она ждёт особенных. Существуют легенды о птицах, которые приносят с солнца горящие ягоды вечной молодости. Может, ведьма ждёт их? Или птиц, которые знаменуют конец войн во всём мире? Или невидимых глазу птиц, которые состоят из солнечного света и способны просочиться

меж песчинками у горных корней? Никто не знает. И нельзя понять, дождалась ли ведьма своих птиц. Возможно, они пролетели сквозь её сердце, а может, когда она их дождётся, и сама обернётся птицею и улетит неведомо куда.

Как бы там ни было, ведьма отставляет пустую кофейную чашку, и твари из мха бочком-бочком подбираются к ней, ведь там их любимое место. Ведьма расчёсывает пахнущие шоколадом волосы, собирает черёмуховый букет на стол и вяжет венки из полыни пяти сортов парить в бане подруг. Совсем скоро купальская ночь, пройдёт сонный июль, а там и запахнет свежей осенью. И будут танцы, и черёмуховые лепёшки, и солёная черемша дождётся своего срока быть добавленной в суп, и вязаные шарфы тоже будут. А пока май. И пока волосы пахнут шоколадом, и птицы летят только им известным маршрутом, стоит мир.

Утро сегодня выдалось ветреным, холодным и ясным. Ведьма любит повторять, что май – это обратная сторона Самайна, когда невидимое становится видимым, а видимое отступает на второй план. Ведьма всматривается в летящие по небу облака. Скоро их сдует ветер, унесёт на другой край планеты, где, возможно, ведьмины сёстры, которых она никогда не видела, варят диковинные отвары из зубов гигантских муравьёв и пальмовых листьев. А ближе к полудню и вовсе может установиться неподвижная жара. Однако сейчас утро. Ведьма расчёсывает на ветру волосы и слушает, как закипает старый чайник на очаге. Утро

за утром она поднимается на рассвете, чтобы прочесть на небе своё имя. Но ветер то пригонит палую листву позапрошлогодней осени, то крики павлинов из покоев индийского раджи, а то и вовсе бездумно хохочет на своём, ветряном, языке, только вот никак не приносит ведьме её имя.

Когда заканчивается раннее утро, ведьма подбирает волосы костяными заколками и идёт в пекарню на краю соседней поляны. Там меняет у смешливой булочницы Изольды корзинку дикого лука на заварные пирожные с начинкой из свежайшего деревенского творога. У Изольды сверкающие белизной нарукавники с красивой вышивкой и чёрная коса до самого пояса. Вечерами, закончив работу, она расплетает косу, садится на крыльцо, поёт всё, что приходит в голову, и кормит вчерашними пирожками птиц и зайцев. В один из таких вечеров к ней впервые и пришла ведьма, не сумевшая назвать своего имени. Но Изольда прожила на этом свете ни много ни мало и всё поняла.

Ведьма возвращается домой к чаю, который как раз настоялся к её приходу, и погружается в новый день, полный забот и хлопот. Она знает, что завтра настанет новое утро и подует совершенно новый, не похожий на другие ветер. Быть может, именно он принесёт вместе со стаей перелётных птиц её имя.

Ведьма часто отсутствует. Уходит искать своё имя. Ищет его в первых проталинах на реке, в прошлогодних птичьих гнёздах и в хвостах падающих звёзд. Где-то она задер-

живается на месяц-другой, мимо других мест проходит, едва взглянув. И так много-много лет.

В древних племенах имя человек менял несколько раз в течение жизни. Вдруг ведьма, оставив одно имя, не сумела найти следующее? А сколько ещё таких вот ничейных имён носится в воздухе?

Однажды булочница Изольда рассказала сплетню, услышанную в очереди за молоком, о Кафе остановившихся часов, месте, где можно отыскать утраченные мгновения своей жизни...

– Но и здесь я не сумела найти его, – сказала ведьма. – Все знают меня, но ни разу ни один не назвал по имени. Иногда для развлечения я гадаю посетителям, но почти все сбегают, не дослушав. И я всё никак не могу понять, отчего же меня так давно не звали по имени, что я и сама его забыла? Итак, ты примешь мой запрос на исполнение желания?

– Пожалуйста, – отозвался Аврелий и достал из воздуха бланк.

Подвинул его через стол и протянул ручку, глядя на ведьму так, словно силился что-то вспомнить, но не мог.

– Сколько будет стоить исполнение? – спросила ведьма.

– Пока не могу сказать, – ответил Аврелий. – Это зависит от сложности.

Она написала что-то в графе «Запрос», поставила подпись и вернула Аврелию. Ангел расписался тоже. Снова надев ка-

пюшон, ведьма-без-имени, встала и направилась к выходу с веранды.

Аврелий нахмурился, вчитываясь в желание. Я заглянула в бланк.

«Я хочу, чтобы меня позвали по имени, когда я буду нужна».

Желание оказалось хорошо сформулировано, не требовало расшифровки, но больше походило на загадку. Ангел перечитывал его раз за разом, но от этого понятнее не становилось. Видимо, решив разобраться позже, он спрятал бланк в карман. Для него это была лишь рутинная работа. Я вспомнила, сколько желаний в своё время обрабатывали, сидя в кабинете, мы: Аврелий, Пафнутий, Белла, другие сотрудники отдела исполнения желаний и я, внештатник из мира людей. Я помогала разгадывать, чего хотят люди на самом деле, когда скрывают свои истинные желания за путаными формулировками и недомолвками.

Впрочем, следовало вернуться к нашему делу.

Аврелий, видимо, решил, что хватит заниматься ерундой. Жестом фокусника извлёк из воздуха и положил на стол ещё одну стопку листов. Она выглядела гораздо тоньше, чем наш план, просто несколько листков обычной серой бумаги, исписанных изящным знакомым почерком. На каждом из них поперёк стояла красная прямоугольная печать с крестом. Я с любопытством склонилась над ними.

– Это что, исполненные желания?

– Нет, напротив. Желания, которые были у Мечты в работе, но она не успела исполнить. Традиционно три последних. После смерти сотрудника все дела и бумаги строго опечатывают, желания выводят из работы.

– Дурацкая система, – прокомментировала я. – А почему бы не передать на исполнение другим?

– Некоторые передают. Но те, которые соответствовали специализации сотрудника, архивируют. Их нельзя исполнять. Лучше уж оставить, чем накосячить с линиями реальности.

– Прекрасно. Значит, будем косячить?

– Будем, куда деваться.

Мы впервые изобразили подобие улыбки друг другу.

– А откуда у тебя эти бумаги? – поинтересовалась я с подозрением. – Так просто выдали?

– Почти. Мы с Лео пошли в архив искать информацию о программах стажировки позапрошлого века. Совершенно случайно загорелись шторы в кабинете архивариуса. Поднялась тревога, естественно, сигнализация сработала. Ну, и я случайно забежал не в тот кабинет. Вижу, лежат опечатанные документы...

– Тоже случайно?

– Разумеется. Решил, возьму с собой, к делу относится, вдруг пригодится. Архивариусу не до того было, потом как-нибудь зайду оформлю.

– Смотри не забудь. И печать вот эту «на уничтожение»

сотри. И «не для использования» тоже.

– Точно. Спасибо, что напомнила.

– Аврелий, почему ты мне сразу не предложил нормально работать? Думаешь, из-за стыренных документов я побегу сдавать вас с Лео шефу? Что за проверки?

Ангел помолчал и произнёс куда-то в сторону:

– Мы с тобой давно не работали вместе. Мне непросто.

– Ого. Вот это искренность. Ладно. Мне тоже с тобой непросто.

– Вот и здорово, что выяснили. Давай ещё по кофе и пошли отсюда.

– И куда же?

– Желания исполнять. Реальности творить. Разве есть ещё какие-то варианты?

Подступал апрельский вечер. В Кафе остановившихся часов время бежало иначе. В моём мире впереди ждал ещё целый день, полный всяческих забот, а я уже чувствовала себя выжатым лимоном. Но я посмотрела на покосившиеся деревянные двери, прислушалась к скрипу граммофона, вдохнула весеннюю свежесть, слобренную ароматом кофе, и поняла, что обязательно справлюсь.

Первое желание. Старый волшебник

Мы стояли перед многоэтажкой в центре города. Я всматривалась в плотно занавешенные окна одиннадцатого этажа. Светило яркое солнце, стоял полдень, сигналили машины, бежали по делам люди, струились грязные ручейки талого снега. Я в который раз перечитала записанное желание: «Моя жизнь бессмысленна, навечно оставьте меня в покое и никогда не трогайте. Я одинокий волк, я устал от людей и никому не доверяю. Пусть все об этом знают и навечно пожалеют о том, кого они потеряли, и спасут меня в последний момент. Так тому и быть. Навечно».

Я беспомощно посмотрела на Аврелия и передала ему бумагу.

– Зачем он «навечно» три раза повторяет? – удивился ангел.

– Откуда мне знать? Наверное, решил, что так звучит эффективнее.

На первой странице помещалось записанное слово в слово желание. Далее подразумевалась расшифровка, но Мечта не успела этого сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.